ЗИГМУНД ФРЕЙД
«ВЫТЕСНЕНИЕ»

Какому-нибудь стремлению, может быть, суждено наткнуться на сопротивление, которое направлено на то, чтобы лишить его активности. При некоторых условиях, подробное исследование которых теперь нам предстоит, это влечение приходит в состояние «вытеснения». В случае внешнего вытеснения самым действительным средством избавления было бы бегство от него. Но в случае раздражения, исходящего от внутреннего влечения, помочь бегством нельзя, потому что *«Я»* не может убежать от самого себя. В дальнейшем найдется верное средство против импульсов влечения в виде рассудочного отказа от удовлетворения (осуждения). Но предварительной ступенью такого осуждения, чем-то средним между бегством и осуждением, является вытеснение — понятие, которое не существовало до психоаналитических исследований.

Теоретически нелегко доказать возможность вытеснения. Почему какое-либо влечение постигает такая участь? Очевидно, необходимым условием вытеснения является то, что достижение цели влечения вызывает вместо наслаждения неприятное чувство. Но такой случай трудно себе представить. Таких влечений не бывает, так как удовлетворение влечения всегда сопровождается чувством наслаждения. Приходится допустить, что существует какое-то особое обстоятельство, какой-то такой процесс, благодаря которому наслаждение от удовлетворения превращается в неприятное чувство.

Для того чтобы лучше выявить сущность вытеснения, для сравнения возьмем какие-либо другие состояния влечений. Может случиться, что какое-нибудь внешнее раздражение становится внутренним и вместе с тем источником постоянного раздражения и возрастающего напряжения благодаря тому, что растравляет и разрушает какую-нибудь часть тела. Таким образом, вследствие такого постоянства и возрастающего напряжения такое раздражение приобретает большое сходство с влечением. Мы знаем, что ощущаем в подобном случае боль. Однако цель описанного выше псевдовлечения — прекратить изменения органа и связанное с этим изменением неприятное ощущение. Прямого же наслаждения прекращение боли дать не может. Боль неумолима, ее можно преодолеть только токсическим мероприятием или повлиять на нее психическим отвлечением.

Мой пример боли слишком неясен и потому не годится для наших целей. Предположим, что какое-нибудь раздражение, исходящее из влечения, например, голода, остается неудовлетворенным. Оно становится неумолимо требовательным, его ничем другим нельзя успокоить, как, только соответственно удовлетворив его, а до этого потребность,

вызванная влечением, находится в постоянном напряжении. В этом случае не может быть и речи о чем-либо, подобном вытеснению.

Итак, понятно, что вытеснения не может быть, если напряжение вследствие неудовлетворения влечения становится невыносимо большим. В другом месте я рассмотрю, какими средствами защиты располагает организм в подобном положении.

Будем пока придерживаться клинического опыта, какой нам дает психоаналитическая практика. Опыт показывает нам, что удовлетворение влечения, подлежащего вытеснению, вполне возможно и вызвало бы всегда наслаждение, но оно несовместимо с другими требованиями и планом личности: оно было бы связано, с одной стороны, с наслаждением, с другой, с неприятным чувством. В таком случае необходимой предпосылкой вытеснения является то обстоятельство, что мотив неудовольствия приобретает большую силу, чем наслаждение от удовлетворения. Далее психоаналитический опыт наш над «неврозами перенесения» приводит нас к заключению, что вытеснение не представляет из себя механизма, существующего уже с самого начала, что оно не может произойти прежде, чем образовалось резкое разделение между сознательной и бессознательной душевной деятельностью, и что сущность вытеснения состоит в удалении и отстранении какого-либо содержания из сознания. Такое понимание вытеснения могло бы быть еще дополнено предположением, что на предшествующих ступенях организации душевной деятельности задачу отражения недопустимых побуждений, исходящих от влечений, берут на себя видоизмененные формы влечений, как то: превращение в противоположное, обращение против собственной личности.

Мы и теперь придерживаемся того мнения, что вытеснение и бессознательное находятся в таком взаимоотношении, что мы до тех пор не в состоянии углубиться в сущность вытеснения, пока не узнаем больше о строении (и направлении) психических инстанций и дифференцировании бессознательного от сознательного. Мы можем пока ограничиться только описанием некоторых клинически установленных признаков вытеснения, рискуя при этом без изменения повторить многое, уже высказанное в другом месте.

Итак, у нас есть основание предполагать первичное вытеснение, первую фазу вытеснения, состоящую в том, что в сознание не допускается психическое представительство (представление) влечения. С этим связана фиксация; соответствующее представление с этого момента остается без изменений, а влечение связано с ним. Это происходит вследствие некоторых свойств бессознательных процессов, о которых речь будет ниже.

Вторая ступень вытеснения, вытеснение в собственном смысле, касается психических дериватов указанного вытесненного представления, связанного с влечением, или мыслей, происходящих из других источников, но вступивших в ассоциативную связь с этими

представлениями. Благодаря такой связи эти представления подвергаются той же участи, что и первично вытесненное. Вытеснение в собственном смысле слова является, таким образом, проталкиванием вслед за вытесненным уже раньше. Впрочем, было бы ошибкой подчеркивать только процесс отталкивания, действующий из области сознательного в той его части, которая подлежит вытеснению. В этом процессе вытеснения нужно принимать во внимание также и такие притяжения, которые производит первично вытесненное на все, с чем только может вступить в ассоциативную связь. Весьма вероятно, что вытесняющая тенденция не достигла бы своей цели, если бы в психике не существовало уже ранее вытесненное, готовое всегда подхватить все то, что отвергается сознанием.

Под влиянием изучения психоневрозов, раскрывающего нам суть действия вытеснения, мы придаем слишком большое значение психологическому содержанию его и легко забываем, что вытеснение вовсе не препятствует сохраняться в бессознательном представлениям, связанным с влечением, продолжать им дальше организовываться, давать новые психические дериваты и завязывать новые ассоциативные связи. В действительности вытеснение нарушает только связь вытесненного с определенной психической системой, с сознанием.

Но психоанализ может открыть нам и кое-что другое, имеющее определенное значение для правильного понимания действия вытеснения. Так, например, при психоневрозах он показывает нам, что представление, связанное с влечением, может приобрести более богатое содержание и беспрепятственно развиться, если оно благодаря вытеснению недоступно влиянию сознания. Оно разрастается, так сказать, во тьме бессознательного и приобретает самые крайние формы выражения, которые, будучи раскрытыми и показанными невротику, не только кажутся ему чуждыми, но даже пугают его кажущейся страшной по своей необычайности силой влечений. Эта обманчивая сила влечений является результатом безудержного развития фантазии и накопления энергии вследствие невозможности удовлетворения ее. И то обстоятельство, что этот результат связан с вытеснением, указывает нам, в чем, собственно, мы должны видеть настоящее значение этого вытеснения.

Возвращаясь еще раз к противоположному взгляду, мы можем констатировать, что неверно и то, что вытеснение отстраняет от сознания все дериваты первично вытесненного (Urverdrängte). Доступ в сознание оказывается для них совершенно свободным, если они, благодаря искажению или вследствие большого числа заключенных между ними соединяющих звеньев, достаточно отдалились от основного психического представления, первично связанного с влечением. Дело происходит так, как будто сопротивление, оказываемое им сознанием, представляет из себя функцию их удаленности от первично вытесненного. Пользуясь психоаналитической техникой, мы постоянно вызываем у больного

такие производные продукты вытесненного, которые могут пройти через цензуру его сознания или благодаря своей искаженности, или удаленности от первично вытесненного представления. Такие дериваты представляют свободно возникающие в сознании мысли, которые больной должен высказывать по нашему требованию, отказавшись от всякой сознательной цели и от всякой критики, и из которых мы восстанавливаем в его сознании смысл вытесненного первичного представления, связанного с влечением. При этом мы наблюдаем, что пациент может воспроизводить длинную нить такого рода свободных мыслей, пока не наткнется на комплекс мыслей, в котором связь с вытесненным проявляется так интенсивно, что он вынужден снова прибегнуть к вытеснению. И невротические симптомы, вероятно, тоже отвечали указанному условию, потому что и они являются продуктами вытесненного, которое с помощью этих новообразований завоевало себе, наконец, закрытый ему доступ в сознание.

В общем, невозможно указать, как далеко должно идти это искажение и удаление от вытесненного для того, чтобы прекратилось сопротивление сознания. Этот процесс состоит в детальном, тонком взвешивании за и против, игра которого остается для нас скрытой, но результаты которого дают нам возможность догадаться, что суть дела сводится к тому, чтобы удержаться в тех же границах, переступив которые бессознательное, благодаря определенной интенсивности своей активности, могло бы добиться удовлетворения. Следовательно, вытеснение работает крайне индивидуально: у каждого деривата вытесненного представления в дальнейшем может оказаться иная участь в зависимости от большей или меньшей степени искажения, которое может подвергнуться даже опасности успешного вытеснения. В связи с этим понятен и тот факт, что происхождение ценных для людей объектов, их идеалов связано с теми же восприятиями и переживаниями, как и внушающие самое большое отвращение, и что первоначально идеалы отличаются от отвратительных объектов только незначительными оттенками. Возможен и такой случай, когда, как мы это обнаружили при образовании фетиша, первоначальное представление, связанное с влечением, распадается на две части, из которых одна подверглась вытеснению, а оставшаяся часть, благодаря такой тесной связи, идеализируется.

Тот же самый результат, к которому приводит большая или меньшая степень искажения, может быть, достигнут, так сказать, на другом конце аппарата изменением тех условий, благодаря которым испытывают наслаждение или неприятное чувство. В душевном аппарате выработались особые технические приемы, цель которых вызвать такие изменения в игре психических сил, чтобы то, что обычно доставляет неприятное чувство, иной раз могло дать наслаждение; и всякий раз, когда вступает в действие подобного рода технический прием, устраняется вытеснение какого-нибудь связанного с влечением представления, обычно отстраняемого от сознания. Эти технические приемы до настоящего

времени были точно исследованы только в случаях остроты. Обычно такое устранение вытеснения — явление преходящее, временное; оно вскоре снова восстанавливается.

Однако такого рода опыт достаточен для того, чтобы обратить наше внимание на новые признаки вытеснения. Оно не только, как сказано, индивидуально, но и в высокой степени подвижно. Процесс вытеснения не следует представлять себе, как однажды совершившийся процесс, имеющий длительные последствия, как, например, убийство живого существа, которое после этого навсегда становится мертвым; вытеснение, напротив, требует длительного напряжения сил, с исчезновением которого успех его становится сомнительным, так что возникает необходимость в новом акте вытеснения. Мы можем себе представить, что вытесненное производит беспрерывное давление в направлении сознания, в противовес которому необходимо создать такое же постоянное давление в противоположном направлении. Сохранение вытеснения предполагает, поэтому постоянное напряжение сил; и прекращение с экономической точки зрения означает экономию сил. Подвижность вытеснения выражается и в психических признаках состояния сна, которое только и делает возможным образование сновидений. Вместе с пробуждением снова восстанавливается вытеснение.

Нельзя забывать, что, констатируя, что какое-нибудь влечение вытеснено, мы, в сущности, этим еще ничего не сказали о нем. Несмотря на вытеснение, влечение может находиться в самых различных состояниях, быть бездеятельным, т. е. располагать очень небольшим количеством психической энергии, или обладать ею в различной степени и благодаря этому быть способным на активность. Хотя его переход в активное состояние и не будет иметь следствием прямое прекращение вытеснения, но может привести в движение те процессы, которые кончаются проникновением в сознание этого влечения обходным путем. Если продукты бессознательного не вытеснены, то участь составляющих их отдельных представлений зависит от степени активности (Besetzung). На каждом шагу случается, что такой продукт остается неизмененным, пока воплощает небольшое количество энергии, хотя содержание его могло бы привести к конфликту с тем, что господствует в сознании. Решающее значение[1] для существуещего представление усиливается сверх определенной меры, то конфликт становится действенным, и возникновения конфликта имеет, однако, количественный момент: как только неприемлемое по то именно обстоятельство, что он стал активным, и влечет за собой вытеснение. Увеличение количества энергии в деле вытеснения имеет такое же значение, как приближение к бессознательному; уменьшение энергии равносильно удалению от бессознательного или искажению. Мы понимаем, что

[1] Т. е. в сознании. *(Прим. перев.)*

вытесняющие тенденции могут удовлетвориться ослаблением неприятного вместо вытеснения его.

В изложенном выше речь шла о вытеснении представления, связанного с влечением, причем под последним мы понимали представление или группу представлений, которые влечение наделило известной суммой психической энергии (либидо, интереса). Однако клиническое наблюдение заставляет нас разложить то, что мы до сих пор понимали как нечто единое, ибо оно показывает нам, что наряду с представлением необходимо иметь в виду еще и нечто другое, что воплощает влечение, и это другое тоже подвержено участи вытеснения, но совершенно отличного от вытеснения представления. За этим другим элементом психического коррелята влечения утвердилось название аффекта; последний соответствует влечению, поскольку оно отделилось от представления и в зависимости от своего количества нашло себе выражение в процессах, воспринимаемых как аффекты. Описывая случай вытеснения, мы впредь должны будем в отдельности проследить, что стало вследствие вытеснения с представлением и что произошло со связанной с ним энергией влечения.

Нам приятно было бы иметь возможность сказать что-либо общее об участи этих двух элементов. Но это станет для нас возможным только после того, как мы несколько сориентируемся в вопросе. Общая участь представления, воплощающего влечение, может состоять только в том, что представление это исчезает из сознания, если оно раньше было сознаваемо, и удерживается вдали от сознания, если готово было сделаться осознанным. Различие уже не имеет значения, оно сводится к тому, что я могу выпроводить неприятного гостя из моей гостиной или из моей передней или, узнав его, вообще не впустить его через порог моей квартиры.[2] Количественный фактор коррелята влечения может постигнуть троякая участь, как это показывает короткий обзор психоаналитического опыта: влечение может быть совершенно подавлено, так что нельзя найти никаких его признаков, или оно проявляется как качественно окрашенный аффект или же оно превращается в страх. Две последние возможности заставляют нас обратить внимание на превращение психических энергий влечений в аффекты, и особенно в страх, как на новую возможную участь влечения. Мы вспоминаем, что мотивом и целью вытеснения было только стремление избежать неприятного. Из этого следует, что участь аффекта психического коррелята влечения гораздо важнее, чем участь его представления, и что именно этот момент является решающим в оценке процесса вытеснения. Если вытеснению не удается предупредить появление неприятного ощущения или страха, то мы можем сказать, что оно потерпело неудачу, даже если бы оно достигло своей цели в части, касающейся представления. Разумеется,

[2] Это сравнение, которое вполне подходит к процессу вытеснения, может быть распространено также и на упомянутый выше признак вытеснения. Нужно только прибавить, что я должен поставить у дверей сторожа, чтобы он беспрерывно охранял закрытую для гостя дверь, потому что в противном случае выгнанный мог бы ее отпереть.

неудавшееся вытеснение будет иметь больше права на наш интерес, чем удавшееся, которое большей частью окажется недоступным нашему исследованию.

Мы постараемся понять механизм процесса вытеснения и, прежде всего, узнать, существует ли только один механизм вытеснения или несколько, или, быть может, каждый психоневроз отличается свойственным ему одному механизмом вытеснения. Но с самого начала этого исследования мы наталкиваемся на осложнения. Механизм вытеснения становится доступным нашему пониманию только тогда, когда мы делаем о нем заключение, исходя из результатов вытеснения. Если мы ограничимся в нашем наблюдении только последствием вытеснения в части психического коррелята влечения, состоящей из представления, то узнаем, что обычно вытеснение ведет к возникновению заменяющего образования. Каков же механизм такого заменяющего образования, или и тут приходится различать несколько механизмов? Мы знаем также, что вытеснение оставляет после себя симптомы. Можем ли мы допустить, что замещающие образования и образования симптомов вполне совпадают, и если в целом это и так, то имеется ли полное совпадение механизма образования симптомов с механизмом вытеснения?

Можно наперед предполагать с большой вероятностью, что оба эти механизма очень различны, что не вытеснение само по себе создает замещающие образования и симптомы, а что последние, являясь признаком возвращения вытесненного, обязаны своим возникновением совсем другим процессам. По-видимому, рекомендуется подвергнуть сначала исследованию механизмы замещения и симптомообразования, а затем механизмы вытеснения.

Ясно, что теоретическим соображениям тут не может быть больше места, что их должен заменить старательный анализ результатов вытеснения, наблюдаемых при отдельных неврозах. Но я предлагаю отложить и эту работу, пока мы не составим себе четкого и верного представления о взаимоотношении между сознательным и бессознательным. Однако для того чтобы предлагаемая статья не оказалась совершенно лишенной каких бы то ни было результатов, я хочу наперед подчеркнуть:

1) что механизм вытеснения действительно не совпадает с механизмом замещающего образования;

2) что имеются очень различные механизмы замещающего образования, и

3) что у механизмов вытеснения имеется, по крайней мере, одно общее — отнятие связанной энергии (Energiebesetzung или Libido, если дело касается сексуальных влечений).

Ограничиваясь тремя наиболее известными психоневрозами, я хочу показать на нескольких примерах, какое применение при изучении вытеснения находят приведенные здесь понятия. Из области истерии страха я приведу хорошо проанализированный пример фобии животных. Подвергнутое вытеснению влечение представляет из себя либидозное

отношение к отцу, соединенное со страхом перед ним. После вытеснения отношение это исчезло из сознания, отец в качестве объекта Libido в нем больше уже не встречается. Взамен него находится в аналогичном положении животное, более или менее подходящее для того, чтобы быть объектом страха. Замещающее образование представления, связанного с влечением, состоялось путем сдвига (Verschiebung) вдоль ассоциативной связи представлений, детерминированных определенным образом. А количественная часть (аффективной стороны психического коррелята влечения) не исчезла, а превратилась в страх. В результате явился страх перед волком вместо любовных притязаний по отношению к отцу. Разумеется, приводимые здесь категории недостаточны для объяснения хотя бы самого простого случая психоневроза. Следует постоянно принимать во внимание еще и другие точки зрения.

Такого рода вытеснение, какое имеет место в случае фобии животных, нужно считать окончательно неудавшимся. Вытеснение состоит в том, что благодаря ему было устранено и заменено другим определенное представление, тогда как избежать неудовольствия, неприятного все-таки не удалось. Поэтому работа невроза не прекращается, а продолжается в другом темпе, чтобы достичь ближайшей и самой важной цели. Делается попытка к бегству в виде образования собственной фобии, состоящей в известном ряде мер, назначение которых — исключить возможность развития страха. Пользуясь специальным исследованием, мы сумеем понять, благодаря какому механизму достигает своей цели фобия.

Совершенно другую оценку процесса вытеснения диктует нам картина настоящей конверсионной истерии. Самым замечательным является тут то, что возможно полное исчезновение аффекта. Больной проявляет в таком случае то отношение к своим симптомам, которое Charcot назвал «la belle indifference des hystériques». В иных случаях это подавление аффекта не удается вполне — известная доля мучительных ощущений связывается с самими симптомами — или все же не удается избежать некоторого количества страха, который и приводит в действие механизм образования фобий. Содержание представления, связанного с влечением, окончательно устранено из сознания; в качестве замещающего образования и одновременно симптома находится слишком сильная — в показательных случаях соматическая — иннервация, по природе своей двигательная или чувствительная, проявляющаяся в виде возбуждения и заторможенности. Место с повышенной иннервацией при ближайшем исследовании оказывается как бы частью самого вытесненного психического коррелята влечения, впитавшего в себя посредством сгущения всю энергию (Besetzung). Разумеется, и эти замечания также не охватывают всего без остатков механизма конверсионной истерии; прежде всего нужно еще прибавить момент регрессии, оценка которой будет дана в связи с другими вопросами.

Вытеснение истерии можно считать совершенно неудавшимся, поскольку оно стало возможным только благодаря обширным замещающим образованиям; что же касается уничтожения аффекта, что и составляет настоящую задачу вытеснения, то при истерии оно обычно достигает полного успеха. Процесс вытеснения при конверсионной истерии приходит к концу вместе с образованием симптома и не должен, как при истерии страха, протекать в два срока — или неограниченно во времени.

Совершенно другой исход вытеснения отмечает, в свою очередь, третье заболевание, которое мы также приводим здесь для сравнения, — невроз навязчивости. В этом случае возникает сначала сомнение в том, что собственно считать коррелятом вытесненного: либидозное ли стремление или враждебное. Неуверенность проистекает от того, что невроз навязчивости предполагает предшествовавшую регрессию, вследствие которой вместо нежного стремления возникло садистическое. Именно этот враждебный импульс, направленный против любимого лица, подлежит вытеснению. Эффект в первой фазе работы вытеснения совсем другой, чем позже. Сначала вытеснение имеет полный успех; содержание представления, связанного с влечением, отвергается, а аффект уничтожается. В качестве замещающего образования появляется изменение «*Я*», повышение чувствительности совести, которое едва ли можно назвать симптомом. Образование замещения и симптома не совпадают. И в этом случае можно кое-что узнать о механизме вытеснения. Последнее, как и всегда, привело и в данном случае к отнятию Libido от объекта, но для этой цели воспользовалось реактивным образованием в виде усиления противоположного чувства. Замещающее образование имеет в данном случае тот же механизм, что и вытеснение, и по существу совпадает с последним, но отделяется по времени и по содержанию от образования симптома. Весьма вероятно, что весь процесс стал возможным благодаря амбивалентному отношению, в которое вступил подвергающийся вытеснению садистический импульс.

Удавшееся сначала вытеснение, однако, не удерживается в дальнейшем течении процесса, — все больше проявляется неудача вытеснения. Амбивалентность, которая допустила образование реакции, является в то же время и тем пунктом, в котором вытесненному удается вернуться обратно в сознание. Исчезнувший аффект возвращается, превращаясь в социальный страх, в боязливую совестливость, в бесцельные упреки (без экономии); отвергнутое представление заменяется при помощи замещения посредством сдвига (Verschiebungsersatz), часто перемещаясь на самое незначительное, индифферентное. Нередко вполне очевидна тенденция к полному восстановлению в сознании вытесненного представления. Неудача в вытеснении количественного аффективного фактора приводит в действие тот же механизм бегства посредством запретов и обходов, с которым мы познакомились при образовании фобий. Но устранение представления из сознания упорно сохраняется, потому, что вместе с этим удается удержаться от действия, сковать двига-

тельную силу импульса. Таким образом, работа вытеснения при неврозе навязчивости превращается в бесцельную и бесконечную борьбу.

Из приведенного здесь небольшого ряда сравнений можно убедиться, что необходимы еще обширные всесторонние исследования, чтобы разобраться во всех процессах, связанных с вытеснением и образованием невротических симптомов. Необыкновенная спутанность всех моментов, которые необходимо принять во внимание, оставляет нам только один путь - описание этих процессов. Мы вынуждены становиться то на одну, то на другую точку зрения и прослеживать ее через весь материал до тех пор, пока применение этой точки зрения оказывается полезным. Каждая из этих обработок в отдельности будет неполной и неизбежно будет связана с неясностями там, где соприкоснется с еще не обработанным материалом; но можно надеяться, что когда, в конце концов, удастся сделать общую сводку всех частей работы, то мы придем к полной ясности и пониманию.

ПРИМЕЧАНИЕ. Номера страниц в данном тексте указаны так, как даны в книге.

Текст печатается по изданию: **Зигмунд ФРЕЙД. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб., «Алетейя», 1998. / Фрейд З. Вытеснение. С 108 – 123.**
